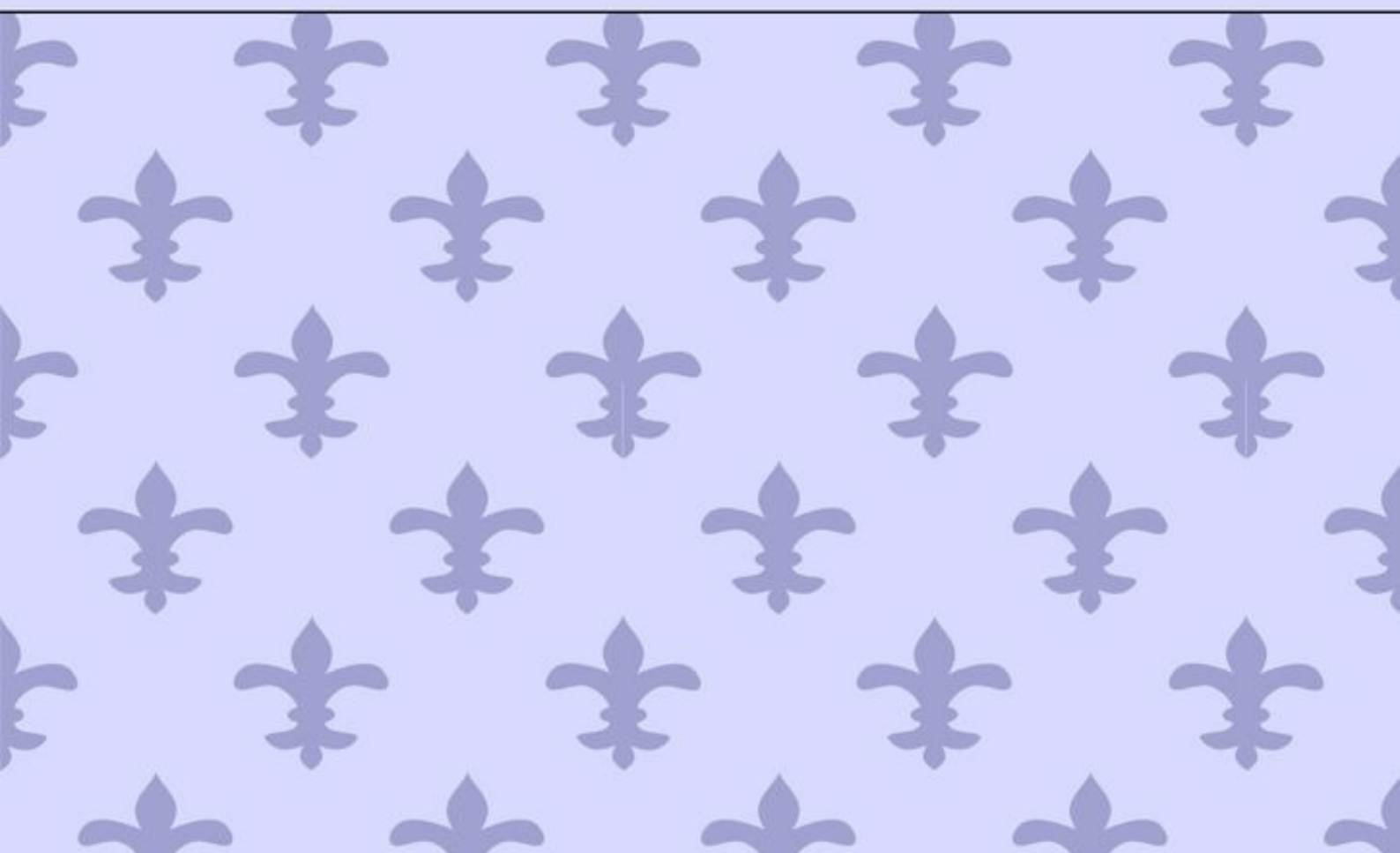

Наталья Доброхотова-Майкова

18+

Бронзовый воробей

Или приключения красавца-корнета

Наталья Доброхотова-Майкова

**Бронзовый воробей. Или
приключения красавца-корнета**

«Издательские решения»

Доброхотова-Майкова Н. А.

Бронзовый воробей. Или приключения красавца-корнета /
Н. А. Доброхотова-Майкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515381-4

Романтическая фантазия с литературными аллюзиями. Действие происходит в вымышленной стране, примерно в XVIII веке, в таинственных руинах. Действующие лица — генералы, солдаты, прекрасная девушка, карлик, попугай и заговоренный конь... Герои преодолевают древнее заклятие, и все кончается хорошо. Иллюстрации автора.

ISBN 978-5-00-515381-4

© Доброхотова-Майкова Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Бронзовый воробей	8
Заговоренный конь	10
Слава дней минувших	14
Карлик с попугаем	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Бронзовый воробей Или приключения красавца-корнета

**Наталья Александровна
Доброхотова-Майкова**

Иллюстратор Наталья Александровна Доброхотова-Майкова

© Наталья Александровна Доброхотова-Майкова, 2020

© Наталья Александровна Доброхотова-Майкова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-5381-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рисунки автора

Эта причудливая запутанная сказка, что уж там, гофманиада, начала сочиняться, когда я рисовала фантазии на архитектурные темы. Тогда же я читала «Троецарствие» и наткну-

лась на странный кусок о бронзовом воробье, который источал золтистое сияние, и о великом полководце, который приказал построить на этом месте две башни. Почему-то две. Генерала звали Цао цао. Никакого влияние на развитие событий что в истории, что в романе этот эпизод не оказал. В рисунки попадали разные персонажи, карлик, олень – сначала просто так, потом их пришлось встраивать сюжет. Самым загадочным персонажем стал «спящий часовой» из общеизвестной картины Кареля Фабрициуса, любимого ученика Рембрандта. Героиня, храбрая девушка Вероника, взялась прямо из повести Гофмана «Золотой горшок». Красавец-корнет на своем заговоренном коне прискакал сам по себе. Нельзя же было без главного героя, а что за герой без коня...

Бронзовый воробей

Шел как-то один великий военачальник и вдруг увидел исходящее из земли золотистое сияние. «Клад! – вскричал он. – Ройте скорее здесь!» Разрыли землю и нашли фигурку воробья из бронзы. Военачальник восхитился счастливым предзнаменованием и повелел на этом месте построить башню. Башню вскоре построили, и очень красивую. «Почему бы, – сказал тогда один из приближенных, – не пристроить к этой еще две и соединить их перекидными мостами?» Военачальнику это понравилось, и он приказал построить еще две башни, чтобы они служили ему утешением на старости лет. Но до старости лет этот военачальник не дожил, и остались башни не у дел. Имя военачальника вскорости забылось, а что касается воробья, то он потерялся даже раньше, чем достроили башни. Так они и стояли. В сторожевые башни они не годились, потому что сторожить там было нечего; как укрепления – тоже, потому что были неукрепленные. Можно было, конечно в них жить, но кому и зачем? Как-то устроили в них провиантские склады, но потом наступил голод, и народ, ища себе пропитания, ворвался в башни и не только весь провиант выскреб до крошки, но переловил и съел всех провиантских крыс. С тех пор башни совсем забросили, годы, люди и народы шли своей чередой. Менялись и времена, и нравы, и территории государств. И вот башни оказались не то чтобы на границе, а так, на ничейной земле – эта земля никому не принадлежала и густо заросла лесом. А те государства, которым эта земля не принадлежала, вступили между собой в столетнюю войну. Они воевали сто лет, а потом объявили перемирие на полгода. В первый день перемирия молодой корнет ехал через расположение неприятельских войск. Правда, теперь они уже не были неприятелями, но как их прикажите называть? Не приятели же! Так что пусть все остается, как было. Корнет возвращался в свой полк, выполнив поручение. Ему было грустно. Не успел он вступить в армию, как наступило перемирие. На целых полгода! А там, того и гляди, вообще заключат мир! Как тут человеку прославиться? Правда, его послали к неприятельскому начальнику, потому что он знал иностранные языки, но это было вовсе неинтересно. В таких мыслях корнет проезжал большое село, занятое кавалерийской частью. Солдаты водили коней туда и сюда. Проезжий корнет загляделся на одного коня: стройный, спина длинная, ноздри прозрачные, глаза огромные, острые ушки ходят ходуном, кожа тонкая, как шелк, и самой что ни на есть рыжей масти – просто чистая красная медь; на лбу белая звездочка, а за ухом прядка рыжей гривы заплетена в косичку и завязана голубой ленточкой. Тут корнета кто-то окликнул. Он оглянулся – на крыльце соседнего дома стоят несколько гусар и драгун. Они пригласили его, по случаю перемирия, сразиться за карточным столом. Корнет, не колеблясь, принял вызов. Он полагал, что честь обязывает его сделать это, притом же деньги у него с собой были. Опытные картежники, конечно, с первого взгляда угадали в нем новичка и задались целью обыграть его. Верховодил в этой компании гусарский поручик. Гусар играл отчаянно; но молодой корнет, хотя он и в самом деле был очень молод и очень хорош собой, играл просто как сам дьявол (у него был математический ум, хотя он и не знал этого). Гусар не успел глазом моргнуть, как просадил двести монет; решил поскорее отыграться – и ухнул еще двести. Тут его затейка показалась ему не такой забавной, как раньше. – Вам чертовски везет, дружище, – сказал он, – и я бы ни за что не бросил такую интересную игру, но мне пора на развод. Извольте получить. А впрочем... Эх, да где наша не пропадала! Ради такого случая – берите коня вместо денег! Эй, Жано, моего рыжего к крыльцу – того самого!

Корнет вышел на крыльцо вместе с поручиком, и, действительно, с изумлением увидел того самого коня, которым он недавно любовался.

– Вы, конечно, шутите, сударь, – сказал он. – Этот конь стоит по крайней мере в три раза дороже. Я не могу его принять.

– А! На ваше счастье! – кричал разбушевавшийся поручик. – За нашу дружбу! За все наши будущие схватки, черт побери! Да не смущайся, товарищ: мне этот конь достался даром.

– Берите коня, корнет, – сказал, проходя мимо, седой капитан. – Вам еще не скоро представится случай отбить у нас коня в бою; вы сможете, по крайней мере, гордиться, что вы его выиграли.

Этот аргумент решил дело. Но увести выигранного коня оказалось не так просто: он никак не хотел расставаться с хозяином, тянулся к нему, жалобно ржал. Тогда корнет снял седло со своего коня, оседлал этого, нового, и сел на него, а того, послушного, повел в поводу. К себе он вернулся поздно ночью. Утром, выйдя на улицу, наш очаровательный корнет увидел свой вчерашний трофей, окруженный всеобщим вниманием – то есть, попросту, толпой солдат.

Заговоренный конь

– Пригожего конька раздобыли, ваше благородие, – сказал старый капрал, седой и кривоногий Мигун, лихой наездник. – Только, знаете, как бы чего не того...

– Что вы хотите сказать, Мигун? – спросил корнет.

– Да вот, конек—то ладный: только он несчастливый.

– Как это – несчастливый? – удивился корнет.

– У него, ваше благородие, – неторопливо рассуждал Мигун, – четыре несчастливых признака. У такого коня наездник того и гляди попадет в беду.

– Какие же это признаки? – спросил корнет. Он смутился немного, разговаривая с младшим по званию, но несравненно старшим по воинскому опыту человеком, и боялся уронить свое достоинство перед подошедшими в это время офицерами.

Мигун крикнул и подкрутил седой ус.

– Этого я вам, ваше благородие, уж извините, лучше не скажу, – ответил он. – Тут ведь знать мало, тут понимать надо; а вы станете перебирать, выбирать и браковать коней, одно беспокойство вам будет. Вы лучше поверьте опытному человеку – верно я говорю, ребята? Конь этот, точно, всем коням конь: и резвый, и смелый, а главное верный прямо до невозможности. Только вы его лучше сбудьте с рук, а то как бы, неровен час... Проиграйте его или там поменяйте, продайте... Я дело говорю, верно, ребята?

Обменять коня в кавалерийском полку, разумеется, не проблема, но нашего корнета смущала нравственная сторона вопроса. По молодости лет, он даже с врагом не согласился бы проделать такой трюк, который, это было теперь очевидно, вчера проделали с ним. Мог ли он, в таком случае, обманом всучить опасное животное товарищу по оружию? Сможет ли он спокойно спать, узнав, что новый владелец рыжего красавца сломал шею на охоте, заболел, проигрался в пух, наконец, получил дисциплинарное взыскание? Мало ли опасностей подстерегает офицера даже во время перемирия?

А перемирие, кстати, кончилось в тот же день. Неприятель, вместо того чтобы, по условию, снять осаду с небольшого укрепленного городка Лимон, попытался взять его приступом, пользуясь тем, что гарнизон ослабил бдительность. Военные действия возобновились. Юный корнет оказался на передовой. Но радость его была не полна. Одну неприятность из—за коня он уже нажил, отказавшись уступить его своему полковнику. Не мог же он, в самом деле сбить свою напасть поседелому в сраженьях вождю? Равно не мог, в объяснение отказа, сослаться на Мигуна. Оставалось сносить последствия начальственного неудовольствия. «Бойся данайцев, расплачивающихся за проигрыш!» – сказал корнет в сердце своем и решил по возможности на рыжем не ездить.

Главкомандующий армии, в которой служил наш герой, разработал план чрезвычайно хитрого флангового марша, долженствующего повергнуть противника в полную растерянность, а в дальнейшем способствовать конечному его разгрому. Для приведения в действие сей стратагемы предписывались различным частям войск особые маневры; в частности, эскадрон легкой кавалерии, где состоял корнет, должен был предпринять ложную атаку, после коей обратиться как бы в беспорядочное бегство. Вечером корнет повел коня (своего прежнего) к полковому кузнецу. Кузнец, имея много дел, так подковал серого, что бедняга наутро оказался хромым. Корнет понял, что обречен, и покорился судьбе.

После недолгого перехода уланы выстроились в боевой порядок ввиду противника, развернувшего свои ряды на опушке леса. Корнет сразу узнал знакомые цвета гусаров и драгун, с которыми третьего дня сражался за карточным столом. Рожок пропел атаку: эскадрон дрогнул и устремился вперед, набирая скорость, подобно потоку жидкой лавы, низвергающемуся по склону вулкана.

Наш герой в первые же мгновения опередил передних. Он знал, что мчится навстречу гибели, и эта мысль приводила его в экстаз. В настоящем упоенье он шпорил коня, который казался ему самым ангелом смерти. Он не заметил, когда ряды противников смешались. Шашку, выдернутую по команде, он все еще держал опущенной к ноге. Где—то в иной стране, незнакомой, дальней протрубили отступление. Рука его и ноги сами вспомнили, чему их учили на бесконечных тренировках, и повернули коня. То есть попытались. Конь не подчинился. С коротким радостным ржанием, похожим на всхлип, он еще быстрее рванулся вперед. Корнет уже сознательно натянул повод — без всякого успеха. Краем глаза он увидел занесенную над собой саблю и неловким движением, словно отмахиваясь, отразил удар. И тут он увидел впереди знакомое лицо: гусара, проигравшего ему своего рыжего. Видимо, конь решил теперь доказать, что старая любовь не ржавеет и что лошадиное сердце не хуже собачьего. Эти чувства сделали бы ему честь, если бы пришлось более ко времени. Корнет рванул повод со всех сил. Гусар между тем узнал свой проигрыш. Он побледнел, словно рыжий со звездочкой нес не корнета желторотого, а статую командора, и торопливо поворотил коня. Гусар, скакавший следом, налетел на него, отпрыгнул в сторону, толкнул еще одного, две лошади разом взвились на дыбы, кто-то из всадников упал, а может и оба — корнет не видел, а гусар тем более: подавшись панике, он мчался сломя голову, и его товарищи поспешно сторонились и давали ему дорогу. Корнет мчался за ним, внося смятение в ряды неприятельского войска. Вдруг он заметил, что его не окружают больше оскаленные лошадиные пасти и занесенные шашки. Вслед за преследуемым им гусаром он ворвался в лесную чащу — впрочем, довольно редкую. Мимо проносилась свежая, недавняя еще листва. Кони с хрустом топтали подлесок.

Рыжий конь, которого корнет больше не сдерживал, то и дело нежным ржанием звал прежнего хозяина остановиться, вернуться и приласкать его. Но гнедой круп и развевающийся над ним ментик мелькали впереди с прежней скоростью.

Вдруг они исчезли. Раздался громкий треск, душераздирающий вопль, и корнет увидел себя на самом краю обрыва.

Сердце его стремительно ухнуло вниз, а все остальное взмыло вверх. Казалось, он повис над бездной, из которой все еще несясь вопль... Но вот толчок, и время снова понеслось в ритме галопа, отбрасываемое назад подковами.

Перескочив благополучно овраг, в котором его бывший хозяин сломал шею, рыжий перешел на короткий галоп и затем на рысь. Корнет готов был заплакать. «Судьба моя плачевна» — думал он. «Я не знаю даже, кто я. Перебежчик? Дезертир? Стоит врагу появиться, и я — пленный либо труп! О нет! Живым я не дамся! О позор, позор! Я бежал с поля боя!» Не знал он того, малосмысленный, что бегство сквозь вражеское войско во все времена именовалось атакой, и славнейший из фараонов египетских именно этим прославился!

Он продолжал ехать шагом через лес. Заслышав подозрительный шум, он старался углубиться в чащу, понимая при этом, что все больше удаляется от линии фронта и внедряется в расположение неприятеля. Лес вокруг становился все выше, все величественнее. Бедному корнету вспомнилось знакомое по детской литературе выражение: «и они скрылись в лесу», и оно показалось ему нелепым. Скрыться в лесу было бы нелегко, а еще нелегче — скрыть коня. Что, если бросить коня и пробираться пешком? Да, но его пришлось бы привязать к дереву, а в лесу, наверно, волки... Солнце поднялось в зенит, но жарко не было. Было очень красиво.

Прекрасный юноша на прекрасном коне ехал по прекрасному парку... В самом деле, он ехал, словно по аллее, между двумя ровными рядами могучих вязов. Должно быть, это была заброшенная дорога. Через некоторое время ее пересекла под прямым углом другая такая же дорога, или аллея. Корнет помедлил на перекрестке и повернул направо. И он ехал дальше, и снова куда—то сворачивал, уже не думая, к чему это его приведет. Солнце стало уже опускаться, и вот ему показалось, что впереди что—то возвышается — не то скала, не то стена. Не без предосторожностей он подъехал поближе и увидел огромное разрушенное здание. Разрушено

оно было, безусловно, давно, и давным—давно заброшено: всевозможные растения, и выющиеся, и цветущие, и свисающие, густо покрывали его стены, кое-где выросли даже небольшие деревья. Все было спокойно, только громко пели и кричали птицы. Корнет рискнул въехать сквозь широкую арку во внутренний двор. Здесь было меньше разрушений. Сохранились многие прекрасные колонны и мраморные плиты. Конь осторожно, как на лед, вступил на гладкий камень. Из этого двора корнет проехал в соседний. Там он спугнул роскошного самца—олень с огромными ветвистыми рогами. Олень сделал прыжок и исчез где—то в зелени. Очевидно, людей здесь давным-давно не водилось...

СТРАННЫЙ акцент

В тот же миг корнет увидел солдата. Он сидел у колонны, держа ружье на коленях. Корнет машинально схватился за шашку. Солдат спал так крепко, что цокот копыт по камню не разбудил его. Станный это был солдат. Корнет никак не мог определить ни страны, ни рода войск. Судя по длинному мушкету, он был пехотный; но в пехоте у противника таких мундиров не было, а в своей армии и подавно. Да и вообще мундир был не похож на мундир, и мушкет какой—то странный — то ли слишком большой, то ли старомодный. Все—таки это был мушкет, и наш герой осторожно полез в карман за пистолетом.

На голове у солдата была медная каска, давно не чищенная, и весь он был какой—то не уставный, не подтянутый. Может быть, вспомогательные части? Обоз? Но чей? Впрочем, смешно питать иллюзии: неприятельский, конечно. И солдат, наверно, не один... Надо, пока он спит, отнять у него мушкет...

Солдат поднял голову и посмотрел прямо на корнета. Лицо у него было совсем молодое, свежее.

— Товарищ, — сказал он, — съестного чего нету?

Съестного у корнета не было, и он потряс головой.

— Жаль, — сказал солдат и зевнул.

Корнет быстро соображал. Солдат говорил не на его языке, но и не на том, на каком говорили неприятельские офицеры, с которыми он так недавно встречался. Между тем корнет его понимал. Может быть, все дело в акценте? Ах нет! Вспомнил, солдат говорил на диалекте, на котором говорят уроженцы солянок. Солянки — небольшая приморская полоса, где дюны перемежаются с солеными болотами. Этот малоинтересный район часто переходил из рук в руки, и корнет не знал, кому он сейчас принадлежит. Кроме того, парень из Солянок мог в поисках заработка попасть в любую страну, в любой город и завербоваться в любую армию. Солянский диалект был хорошо известен в обоих враждующих государствах: и там и тут проstack—соляник был постоянным героем анекдотов и комедий невысокого разбора.

Итак, корнет по—прежнему ничего не знал. Солдат вроде бы не смотрел на него, как на врага. Впрочем, куда уж простаку—солянику разбираться в мундирах! Если ничего не говорить, он ни о чем и не догадается. Наверно, и правда обозный... Солдат снова зевнул. Корнет легко спрыгнул с седла и достал из седельной сумки фляжку. С огорчением он вспомнил, что не догадался вчера наполнить ее вином у маркитанта. Во фляжке плескалось, судя по весу, чуть больше стакана вина. Корнет отвинтил крышечку, уселся рядом с солдатом, и, подмигнув, протянул ему фляжку.

— Можно, — сказал солдат.

Он отложил ружье, чтобы не мешало, взял фляжку, сделал большой глоток, второй — еще больше, третий — совсем большой, и, запрокинув голову, перевернул фляжку дном вверх. Это, как прекрасно знал корнет, хотя он был в армии без году неделя, было не по—товарищески, и так делать не полагалось: выпивать всю фляжку, если она одна на двоих. Однако, когда солдат вернул ему фляжку, там еще что-то бултыхалось. Корнет отпил глоток и снова протянул

фляжку солдату. Тот снова хлебнул основательно, и все—таки там еще что—то оставалось. Корнет отпил. Он судорожно перебирал в уме солянские анекдоты, чтобы найти подходящую фразу для начала разговора. Что—то все было не то. Он устал, был взволнован и голоден. Они еще раз передали друг другу фляжку.

– И давно ты тут? – вспомнил наконец корнет.

– Со вчера, – ответил солдат не сразу. Он отнял фляжку от губ, перевел дыхание и протянул ее корнету. – Хайло и Сухой пошли насчет хавки, а я не пошел. Лучше посплю. Хайло обещал чего притырить, да жди, как же. Скорее сам больше себя сожрет, чем поделится. Ну и пусть хоть треснет. Я посплю пока. Слушай, а может это было не вчера?

Корнет выпил. У него начинала кружиться голова. Пил он всегда очень мало, к тому же не ел с утра. Он не был уверен, что правильно расслышал и истолковал своего собеседника. На сцене это звучало как—то не так. Солдат выпил еще и стал объяснять, куда поперлись Хайло и Сухой. Эти названия были корнету незнакомы; конечно, это все маленькие деревушки к тому же, как известно, жители солянок Б произносят как П. Когда нужно переводить, когда нет? Думая об этом, он потерял нить повествования. Солдат рассказывал уже о других местах и персонажах – кажется, о своих прежних авантюрах. Они с корнетом продолжали выпивать по очереди. Темнело. Корнетов конь, деликатно побрякивая уздечкой, щипал какую-то зелень поблизости. Корнет подумал с раскаянием, что даже не вынул у лошади изо рта железо, но встать уже не смог. Солдат рассказывал длинную историю про понтон; «ах да, конечно, он сапер», подумал корнет. В зелени, обвивавшей стены, возились какие-то птицы, должно быть большие. Сверху сыпался мусор, листочки; у одной из птиц был странный голос, похожий на злорадное хихиканье. Солдат, прикладываясь к фляжке и не забывая передавать ее корнету, повествовал о каком-то длинном баране, которого кто-то, видимо, попер, когда старый помер; речь его становилась все несвязней, он то и дело задремывал...

Слава дней минувших

Корнет проснулся. Ярко светило солнце. Голова болела. Ему приснился страшный сон: он сдавал экзамен по стратегии, ему достался билет «осада Бонтона», и он не мог вспомнить, какой же хитростью Великий Паран все-таки взял Бонтон после смерти Бо—Мера. Это все были события тридцатилетней войны, которая предшествовала столетней. Корнет потряс головой, чтобы проснуться окончательно, оглянулся и замер: рядом с ним, прислонившись к колонне, с мушкетом на коленях сладко дремал мушкетер Тридцатилетней войны. Как он вчера не догадался? Каска, мушкет, форма... никакой не обозный, не сапер... понтон — это, конечно, был Бонтон, великий легендарный город, древняя столица изящества и великолепия, чье имя стало нарицательным для обозначения хорошего вкуса. Именно жители Бонтона первые начали мыться мылом и заедать вино редиской. Великий Паран сравнивал его с землей, и гордился... кстати, то, что он вчера переводил, как «длинный баран», это и был Великий, или Большой Паран. А старый помер — это, конечно, Старый Бо—Мэр, добрый Мэр, последний правитель Бонтона. Ну да, и еще попер — Бобер, знаменитый капитан ландскнехтов.

«Я еще сплю», подумал корнет. Между ним и солдатом лежала фляжка с завинченной крышечкой. В ней плескалось вино — так со стакан примерно. Конечно, всего этого не могло быть. Даже если бы она вчера была полна и они с солдатом ее выпили, они не могли бы от этого напиться до беспамятства. Почему же тогда так болит голова? Тут его глазам предстало еще одно изумительное зрелище. Посреди двора, выщипывая мелкую травку среди разбитых плит, бок о бок мирно паслись крупный ветвисторогий олень и его рыжий конь. Они подняли головы одновременно. Олень, увидев, что на него смотрит человек, в два прыжка исчез. Конь приветствовал хозяина веселым ржанием. Корнет почувствовал раскаяние. Он напился и заснул, даже не расседлав коня. Теперь, наверно, уже не стоит, надо ехать скорее. Все же, жалея животное, он снял седло и обтер ему спину травой. Конь был, казалось, всем доволен: всю ночь он щипал росистую траву, а в углу двора, в разрушенном бассейне, вода стояла по края. И корнет не пренебрег этим бассейном. Вода в нем была чистая, хотя все дно водоема устилали прошлогодние листья. Корнет ополоснул лицо и напился, и тут вчерашний хмель улетучился, но взамен на него обрушился весь ужас происшедшего. Он, заблудший воин, вместо того чтобы попытаться под кровом мрака пересечь линию фронта и разыскать свою часть, всю ночь провел, пьянствуя с... он оглянулся на солдата. Конечно, вся эта история с тридцатилетней войной — сонный бред. Парень — ополченец или партизан, потому и вооружен музейным мушкетом. Правда, чей он, так и не удалось выяснить. Ну и ладно; все равно он какой-то бестолковый, помощи от него не дождешься. Что, если попробовать, в целях ориентировки, взобраться на верх этой руины? И корнет, отважно вступив под своды здания, начал подниматься по обрушенным лестницам. Прекрасны были благородные развалины, тут и там росшие разнообразными растениями! Словно героя нашего пригласили во дворец, украшенный к празднику! Если бы только на этом празднике его еще и угостили... Голоден он был страшно, и, впуская певчих пташек, подумывал о дичи покрупнее. И вот, когда он с балкона второго этажа пытался, опираясь на плечи кариатиды, забраться на третий — из цветущей лианы перед самым его лицом вылетела, крича, огромная красно—синяя птица. Он чуть не свалился. «Ну нет», думал он, с усилием перебрасывая свое тело через подоконник, «кто угодно это был, но не попугай. Фазан, должно быть». Но он прекрасно видел, что это был не фазан. Вопрос остался пока открытым, как и вопрос о полупустой (или полуполной) фляжке.

Он нашел вполне целую лестницу наверх и вышел в лоджию с прекрасными колоннами. Двигаясь осторожно, чтобы не обвалиться вместе с куском узорного мраморного пола, он услышал над головой то странное клохтанье, которое ночью показалось ему похожим на человеческий смех, поднял голову — и обомлел: сквозь прореху кровли, среди свисающих цветущих

гроздьев, на него смотрело человеческое лицо... Оно тут же исчезло, и наверху послышался быстрый топот, словно ребенок пробежал. А лицо было совсем не детское... Надо было немедленно выяснить хоть это! Однако взобраться выше ему долго не удавалось. Здесь, наверху, было еще светлее и веселее: почти все помещения, без крыш и потолков, открывались прямо в небо; на грудах каменных обломков цвели целые клумбы; воздух был чист и свеж в это нежаркое время года. Наконец он вылез на гребень стены и увидел, что дальше подниматься некуда... И еще он увидел, что здание, в которое и на которое он залез, очень велико; и еще увидел, вернее не увидел конца—краю окружающему лесу... Он неосторожно наступил на карниз и обломился вместе с ним. К счастью, внизу уже лежала куча обломков, и лежала давно, и ее покрывала многолетняя подушка мхов и листьев. Корнет уцелел. Сверху снова донеслось хихиканье. Он вскочил и в ярости снова стал искать путь наверх. Рядом когда-то был небольшой круглый зал овальной формы. Теперь посреди него росло дерево. На ветке сидел огромный красно—синий попугай. Увидев корнета, он перевернулся вниз головой, и, держась за ветку одной лапой, другой стал ковырять в носу.

Карлик с попугаем

И все-таки корнет не упал в обморок. Но через несколько минут его стойкость и рассудок подверглись новому испытанию. Выбравшись снова наверх, туда, где сохранился еще кусок чердака со стропилами, он заметил полуразрушенный балкон, украшенный самыми чудесными цветами. На балконе седобородый карлик в ярком тюрбане кормил желто—зеленого попугая. Оба они смотрели на корнета.

Это был предел. Удивляться было бессмысленно.

– Послушайте, любезный, – крикнул корнет, пользуясь почему-то языком врага, – что вы тут делаете? И как вы сюда попали?

– А? – спросил карлик, приставляя ладонь к уху.

– Как вы сюда попали? – крикнул корнет громче.

Карлик потряс головой.

– Как вы сюда попали! – заорал корнет на родном языке.

Карлик прижал ладони к ушам, а потом развел руки в стороны. Корнет видел, что перебраться на тот балкон сам он никак не может: балкон принадлежал не тому зданию, на которое он взобрался, а соседней постройке. Однако как-то же карлик попал туда, раз он только что подглядывал сверху? Корнет стал спускаться, ища какой-нибудь галереи, ведущей в соседнее здание, но так и не нашел. Ему пришлось совсем спуститься и пройти понизу. Он запыхался, измазался и исцарапался. Другое здание, кажется, лучше сохранилось. Правда, у балкона, когда он его нашел, совсем не оказалось пола, но это был тот самый балкон. Ни карлика, ни попугая там не было, но попугай, собственно, был и не нужен – а карлик стоял на подоконнике второго этажа того здания, из которого корнет только что перебрался сюда.

– Погодите, сударь! Не уходите! – крикнул корнет. – Я сейчас к вам спущусь! То-есть поднимусь!

Он побежал вниз, забыв, что в таком месте выражение «сломя голову» в два счета может стать буквальным. Он обошел, насколько мог, все здание снизу доверху, но карлика нигде не нашел. Если тот хотел спрятаться, это было легче легкого. Наконец, выпрыгнув из какого-то окна, корнет очутился еще в одном внутреннем дворике, которого раньше не видел. Очутился измученный, разъяренный, вспотевший, со спазмами в пустом желудке. Над ним что-то зашуршало, и посыпались обломки. Он вскинул голову: над полуразрушенным карнизом в цветущей зелени виднелось умненькое сморщенное личико с длинной седой бородой.

«Я с ума сошел», подумал корнет. «Накой мне сдался этот недомерок? Он, наверно, сумасшедший. Что я тут вообще делаю? Мне давно пора пробираться к своим. Тут наверняка разбойничий притон. У их главаря экстравагантный вкус, он держит зверинец. Попугаев, ручных оленей и карликов. Нескольких, наверно. Я не знал, что сейчас такое бывает. Это больше похоже на тридцатилетнюю войну: тогда любой бандит, если ему позволяли средства, мог собрать армию наемников и стать полководцем, а потом и герцогом. Как тот же Бобер. А герцог в изгнании мог стать разбойником. Что ему еще оставалось? А мне нет дела до разбойников, тем более до чужих. Конечно, бояться мне их нечего, но и дожидаться незачем. Пойду оседлаю рыжего».

Это оказалось не так просто. Из того дворика, где он оказался, выход был только наружу, прочь из развалин. Или нужно было снова карабкаться на третий этаж. Корнет вышел в лес и пошел вокруг здания, разыскивая арку, в которую въехал вчера. Здание казалось огромным, но теперь он в нем немного разобрался. Оно, видимо состояло из центральной части и двух крыльев. Странно все же, что он ни разу не обнаружил никаких следов людей, хоть тех же разбойников: ни утоптанной тропы, ни кострища, ни помещения, хоть как-то приспособленного под жилье. Впрочем, это его совершенно не касалось. Канальство! Сколько времени он поте-

рял, гоняясь за этими карликами! Было уже далеко за полдень. Живот подводило, голова кружилась от голода. Пить хотелось страшно. Ладно, вода-то там внутри есть. Но вода обнаружилась и снаружи. Из-под стены здания вытекал ручеек, разливаясь в небольшое озерце посреди рощи, выросшей у развалин. Надо было его как-то перейти. Но сначала корнет напился из горсти, преклонив колено у края воды. И ему ужасно захотелось искупаться. Ну просто до невозможности. И он не устоял. Не отрывая глаз от воды, он быстро сбросил мундир. Тут ему показалось, что в воде у того берега что-то белеет. Он поднял глаза и увидел на берегу девушку в белом платье.

Девушка в белом

Она застыла, как статуя, под его взглядом она начала медленно заливаться пунцовым румянцем. Корнет окаменел тоже. Девушка была совсем юная и очень хорошенькая. Она была

босиком; одна ее крошечная беленькая ножка была в воде. Прелестные белые башмачки стояли на траве, тут же лежали прозрачные розовые чулочки. Рядом стояла еще изящная корзиночка. Девушка очнулась, подхватила свое имущество и отскочила от воды. Корнет хотел перебежать к ней прямо через озеро, но понял, что так напугает ее до смерти.

– Сударыня, не бойтесь, – торопливо произнес он, стараясь не кричать, – я дворянин, и я...

Девушка взвизгнула и бросилась бежать. Он понял, что обратился к ней на своем языке. Куда она побежала? В развалины? Надо немедленно найти ее и увести отсюда – вдруг вернутся разбойники? Как она сама-то сюда попала? Заблудилась, конечно. Значит, совсем недалеко отсюда деревня или усадьба. Как объяснить ей, что он, хотя и враг, но ей совсем не враг? Придется проводить ее домой. Может быть, ее родители оценят благородный поступок, накормят и укажут дорогу... Впрочем, это неважно. Надо найти и спасти девушку.

Он надел мундир, перепрыгнул через ручей и пошел вдоль стены. Как будто впереди за кустами мелькало белое платьице. Ему даже показалось, что он заметил, как оно скрылось в проломе стены. Он свернул туда же и оказался в прекрасно сохранившейся галерее с колоннами. Раньше он ее не видел; а ведь, казалось, облазил все здание. Галерея плавно изгибалась вправо, и другой конец ее исчезал за поворотом. Там девушка или нет? Он пошел, а не побегал, чтобы девушка не испугалась, и неожиданно вышел в тот самый дворик, в котором провел ночь. Девушка стояла посреди двора, солдат все так же спал, сидя у колонны. Коня не было.

– Сударыня, вы главное не бойтесь, – сказал он на языке врагов.

– Я нисколько не боюсь, что вы, – заговорила девушка со странной горячностью. – Я просто... вы так неожиданно... – она снова покраснела. Голос у нее дрожал, но большие голубые глаза сверкали отчаянной решимостью.

– Вы заблудились, должно быть, – сказал корнет, торопясь поддержать разговор. – Вы, наверно, живете недалеко. Я провожу вас, если позволите. Хотя я, как вы видите...

– Я... да... нет, – сказала девушка. Теперь она казалась растерянной. – Я, правда, недалеко... вы не думайте...

– Сударыня, – сказал корнет, – поверьте, я не стал бы, злоупотребляя случайностью, навязывать свое общество даме... Но здесь может быть небезопасно... Я не хочу вас пугать...

– Нет—нет, я не боюсь, – быстро сказала девушка.

– Я, например, – продолжал корнет, – или вот этот солдат, он славный малый, но его товарищи...

В этот момент солдат громко зевнул, поднял голову и открыл глаза. Его розовое от сна, простое и красивое лицо дышало детской безмятежностью.

– Сестренка, – сказал он, – выпить не найдется?

Девушка тревожно обернулась к корнету.

– Ничего, это так, – сказал корнет. – Он спрашивает, нет ли у вас вина. У меня он вчера просил поесть, а у меня никакой еды не было, только вот фляжка с вином. Странно, что он больше не хочет есть. Он не ел, наверно, больше суток... и я тоже.

– Я, наверно... вина у меня нет, – сказала девушка. Она как будто колебалась. – Я могу... вот, если хотите...

Она сняла платочек, прикрывавший корзинку, и корнет увидел... у него даже в глазах потемнело. Он увидел круглый, золотистый, с глянцевой корочкой пирог.

– Нет, что... – начал корнет и даже не смог договорить «вы»: ему пришлось проглотить слюну.

– Вот славно! – воскликнул солдат. – Давай-ка сюда!

Он отложил мушкет и подвинулся, освобождая место на ступеньке. Девушка робко оглянулась, как бы спрашивая корнета, что ей делать? Потом приблизилась к солдату, расстелила рядом с ним платочек, и выложила из корзинки пирог, маленький синий горшочек с маслом

и три толстеньких, корявых деревенских колбаски. Солдат, глядя на это все, тряс в восхищение головой и прицокивал языком.

– Иди сюда, друг, – махнул он корнету, а когда девушка собралась встать и отойти: – Куда? Садись, садись, хозяйка! Нам без тебя невкусно будет!

Неизвестно, понимала ли девушка его диалект, но его она понимала. Она осторожно присела на край ступеньки и подняла на корнета чудные голубые глаза.

– Сударь, вы тоже... прошу вас.

Корнет присоединился к ним. Солдат вынул широкий складной нож, отхватил этак с треть пирога, зацепил ножом мягкого желтого масла из горшочка, намазал на пирог и сразу откусил половину. Нож он положил на салфетку.

– Я вам отрежу кусочек? – спросил корнет.

– Чуть-чуть, – шепнула она. – Я недавно завтракала.

Корнет отрезал небольшой кусочек пирога с мясом.

– Нет-нет, – сказала она, когда он потянулся за маслом. Свой кусок он тоже мазать не стал. Он откусил от него, чувствуя, что сочнее, душистее, мягче он никогда ничего не откусывал, и... других воспоминаний у него не осталось. Он проглотил пирог, не успев насладиться им как следует. Солдат между тем отломил половину колбаски, с хрустом откусил от нее белыми зубами и отрезал половину оставшегося пирога. Корнет из деликатности не решился взять все, что осталось, хотя их милая сотрапезница, чуть прикасаясь к своему кусочку алыми губками, явно собиралась растянуть его на весь ужин. Корнет отрезал кусок – меньше, чем ему хотелось бы, – и, чтобы продлить удовольствие, медленно намазал его маслом. Все же кусок исчез слишком быстро. Правда, еще оставались колбаски.

трапеза

– Тебя как звать-то? – спросил солдат, отправляя в рот еще кусок пирога.

– Вероника, – ответила девушка, снова вспыхнув. Она легко краснела, и эта застенчивость в сочетании со смелостью была очаровательна.

– Самогон (или что-то вроде того), – невнятно произнес солдат с набитым ртом, стукнув себя в грудь рукояткой ножа.

Корнет потянулся за своей фляжкой, отвинтил крышечку и налил в нее, как в стаканчик, немного золотистого вина.

– Не откажитесь, мадмуазель, – сказал он. – Нет-нет, умоляю вас, не отказывайтесь: это очень легкое вино, самое дамское, это же Бутон, вы наверняка пробовали... Нам очень стыдно, что мы не можем предложить вам чаю в благодарность за ваше щедрое угощение. Здесь есть только вода – вон в той луже. Мы с конем ее уже пили.

Девушка рассмеялась, осторожно приняла у него крышечку и отпила глоточек. Кто она была? Дочь помещика или священника? Скорее всего, деревенская жительница: румянец, свежесть... С другой стороны, отсутствие жеманства, хорошие манеры – это светское воспитание. Корнет собрался познакомиться поближе, пользуясь тем, что ему удалось ее рассмешить, но тут заговорил солдат.

– У нас в полку был случай, – начал он, отпив из фляжки и протягивая ее корнету. – Стояли мы...

Корнету пришлось переводить. Он сначала даже обрадовался, что девушка понимает не все. Но рассказ солдата был безупречен – жив, занимателен и благопристойен. Скоро они уже смеялись все трое.

Солдат и корнет по очереди прихлебывали из фляжки, резали пирог и колбасу. Даже мадмуазель Вероника согласилась выпить еще глоточек и съесть кусочек своего пирожка. Корнет старался не обращать внимания на исторических деятелей, то и дело возникавших в рассказе,

который он переводил; на неиссякающее вино во фляжке. Теперь его удивляло другое: на салфетке между ними все еще оставалось полпирога, почти полный горшочек масла и несколько кусков колбасы. Он почувствовал, что есть больше не хочет. Как раз в это время солдат, не прерывая повествования, вытер нож о штаны, а съестное аккуратно сложил в корзинку, накрыл салфеткой и поставил рядом с хозяйкой.

– Спасибо, барышня, – сказал он, – накормили; а это держите; пригодится. Так вот, лейтенант...

Фляжку он, однако, отнюдь не закрыл. Корнет уже давно перестал пить. Доброй и храброй барышне нужен был, конечно, трезвый защитник; особенно на ночь глядя – ночь-то, она была вот она. Корнет беспокоился все сильнее. Мало того, что за веселым застольем он забыл о воинском долге; он забыл даже, что обязан заботиться о девушке. Она, кажется, неплохо провела время; но что будет, если ее родители узнают, что она проводила время в развалинах с двумя военными, да еще из двух враждующих армий! Конечно, в своей невинности она не видела в этом ничего предосудительного; но так не могло продолжаться. «Буду ей спаситель», – мыслил он. Солдат тем временем совсем переключился на фляжку и беседовал уже только с ней.

– Мадмуазель, – сказал корнет, – я хотел бы проводить вас, пока не поздно. Скоро стемнеет, и мы не сможем найти дорогу. Я отвезу вас, куда вы скажете, и даже не приближусь к вашему дому. Мой конь... он где-то здесь, я сейчас...

И вдруг, уже вскакивая, чтобы бежать искать рыжего, он встретил такой серьезный, такой тревожный взгляд, что сам вспыхнул не хуже Вероники. Что если он со своей навязчивостью он... Просто-напросто помешал свиданию? Да еще съел пирог, предназначенный возлюбленному! Как она его наверно, проклинает!

– Ма... мадмуазель, – пробормотал он запинаясь. – Я, может быть... вы только скажите...

Девушка встала, расправила беленькие складочки.

– Я наверно... – произнесла она, тоже запинаясь, – мне правда лучше... я не заблудилась, я знаю, куда...

Она как будто снова растерялась.

– Я вам помешал? – тихо сказал корнет. – Вы хотели кого-то увидеть, а я... а мы...

– Я не знаю, – ответила она еще тише. – Я пришла, чтобы... я думала... Может, вы мне скажете?

– Что? – спросил он почти шепотом. Они незаметно отходили все дальше от уголка, где пировали. Он сам не заметил, как протянул ей руку. Она оперлась на нее. Надо было что-то срочно делать. Не могла же эта девушка оставаться на ночь в развалинах, куда того и гляди вернутся эти, Хайло и Сухой, да еще, наверно, не одни. Где конь, чтоб его? Сквозь арки корнет видел два соседних двора, но коня не было и там. О, поистине это животное – сущее наказание! Но прежде всего надо было объясниться с девушкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.